Изъ воспоминаній В. М. Еропкина.

походъ 1831 года.—служба въ гвардіи.

Въ 1830 году, въ концѣ Іюля мѣсяца, первый батальонъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, въ которомъ я имѣлъ честь служить, отправленъ былъ изъ лагеря подъ Краснымъ Селомъ въ загородное расположеніе. Мы заняли деревни: Рыбацкое, Усть-Ижору, Колпино и Московскую Ижору, гдѣ помѣстился батальонный штабъ: меня назначили батальоннымъ адъютантомъ. Усть-Ижора около 8 верстъ отъ Павловска и въ 6 верстахъ отъ Царскаго Села. Въ то время въ Петербургѣ свирѣпствовала холера. Я не стану подробно говорить о ней; всѣмъ извѣстно, что при внезапномъ появленіи державнаго царя на Сѣнной площади стотысячная взволнованная масса народа пала на колѣни и, помолясь Богу, тихо разошлась по домамъ. На гауптъвахтѣ Сѣнной площади занимали караулъ 12 рядовыхъ л. гренадерскаго полка съ прапорщикомъ Ховеномъ, все время стоя въ ружьѣ, въ продолженіи дня; они заарестовали наиболѣе шумѣвшихъ, и народная масса не противилась распоряженію 12 рядовыхъ и одного офицера!

Нашъ батальонъ содержалъ кордонъ около Царскаго Села, вмѣстѣ съ лейбъ-гусарами; тутъ были: кн. Бѣлосельскій, Сабуровъ, Нарышкины. Мы проводили время пріятно. Изъ дворца намъ всегда приносили завтракъ, ужинъ и отличное вино. Я находилъ свободное время посѣщать Павловскъ, гдѣ обыкновенно проводила лѣто статсъ-дама Е. А. Архарова, съ которой я былъ въ родствѣ; у нея гостили дочери ея: А. И. Васильчикова съ дѣтьми и графиня С. И. Сологубъ, извѣстныя своимъ умомъ и любезностью. Великій князь Михаилъ Павловичъ находилъ всегда большое удовольствіе въ ея обществѣ. Въ 1831 году одинъ изъ сыновей ея поступилъ въ Измайловскій полкъ, но скоро вышелъ въ отставку, съѣздилъ въ Парижъ и, вернувшись оттуда съ новой прической à la мужикъ, явился на балъ къ к-нѣ Бѣлосельской. Государь Николай Павловичъ, увидавъ его, изволилъ спросить: «Гдѣ вы торгуете, въ Гостинномъ или Апраксиномъ дворѣ?» Этихъ словъ было достаточно: графъ Сологубъ немедленно исчезъ и перемѣнилъ прическу. Въ Павловскѣ, по вечерамъ у г-жи Архаровой собирались: г-жа Шевичъ, любимая камеръ-фрейлина государыни Маріи Ѳеодоровны, Катерина Николаевна Кочетова (нѣкогда отлично ѣздившая верхомъ, за что ее въ интимномъ кружкѣ прозвали m-lle Коше) и еще камеръ-фрейлина Марья Павловна Сумарокова. Онѣ составляли партію тогдашней модной игры: мушки. Все это общество одушевлялъ своимъ присутствіемъ старикъ гр. А. И. Сологубъ. Не смотря на свою свѣтскость, онъ былъ весьма религіозный человѣкъ; мнѣ часто приходилось видѣть, какъ онъ въ церкви, въ темномъ уголкѣ, усердно молился на колѣняхъ.

Однажды, возвратившись изъ Павловска, къ моему удивленію застаю у себя камердинера Его Императорскаго Величества, который мнѣ объявляетъ, что на другой день, въ 8 ч. утра, пріѣдетъ изъ Москвы Государь и что надобно отвести квартиру Его Императорскому Величеству, для переодѣванія. Я показалъ ему свою комнату, и онъ нашелъ ее довольно удобною. Я тотчасъ распорядился убрать ее по возможности и прорубить дверь повыше, по росту Государя Императора. Въ 8 ч. утра Государь пріѣхалъ. Я его встрѣтилъ съ рапортомъ и доложилъ, что въ Царскомъ Селѣ все обстоитъ благополучно. «Благодарю», изволилъ сказать Государь, переодѣлся и тотчасъ отправился въ Царское.

На другой день я поѣхалъ въ Павловскъ къ Е. А. Архаровой, которая переѣзжала въ Петербургъ; въ часъ былъ накрытъ завтракъ, всѣ жители Павловска пришли съ ней проститься. Во время завтрака, дверь отворилась, и вошла в. к. Елена Павловна. Разумѣется, всѣ встали, но Ея И. Высочество съ своей обворожительной любезностью попросила не безпокоиться, потому что она зашла только, чтобы пожелать добраго пути почтенной Екатеринѣ Александровнѣ. Въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ; съ отъѣздомъ г-жи Архаровой Павловскъ опустѣлъ. Настала осень, всѣ жившіе на дачахъ начали перебираться въ городъ; холера утихла, кордоны уничтожили, и скоро я поѣхалъ въ Петербургъ. Обѣдая у Е. А. Архаровой, я познакомился съ г-жей Нордштейнъ, которая, какъ всѣ Польки, была обворожительна. Она приглашала меня и моего товарища Каверина пріѣхать повеселиться въ Вильну. Хотя это было немыслимо въ то время по дальности разстоянія, но мы дали ей слово исполнить ея желаніе, никакъ не думая, что скоро представится къ тому возможность.

Въ 1-хъ числахъ Декабря я снова былъ въ Петербургѣ. Было Воскресенье, я поѣхалъ въ часъ къ разводу въ Михайловскій манежъ. По окончаніи развода, которымъ Государь изволилъ остаться очень доволенъ, онъ своимъ звучнымъ голосомъ сказалъ: «Господа, поздравляю васъ съ походомъ». Слова эти были встрѣчены восторженнымъ ура! Всѣ генералы и офицеры бросились къ Его Величеству, обнимая его колѣни и заявляя свою готовность жертвовать жизнью за Царя и Отечество. По уходѣ Государя в. к. Михаилъ Павловичъ объявилъ, что черезъ 9 дней начнется выступленіе; первыми пойдутъ 1-й и 3-й батальоны Финляндскаго полка, затѣмъ черезъ день слѣдующіе полки по очереди, и что онъ запрещаетъ офицерамъ переходить изъ одного батальона въ другой. Тогда въ походъ собирались быстро, запасовъ не брали. Не смотря на Декабрьскіе морозы, мы выступили и весь походъ сдѣлали безъ полушубковъ; только разрѣшено было нижнимъ чинамъ носить теплые нагрудники. Одежда солдатъ была почти одинаковая съ теперешнею, только шинель плотно обхватывала грудь. Ни въ брюкахъ, ни въ шинеляхъ не позволялось имѣть кармановъ; поэтому всѣ необходимыя мелочи, какъ то фуражку, щетку, трубку и проч., солдатикъ ухитрялся помѣщать въ киверъ. На одномъ привалѣ я полюбопытствовалъ свѣсить нѣсколько киверовъ, и оказалось въ иномъ 9, въ иномъ 11 фунтовъ. Въ ранцахъ укладывалось почти тоже что и теперь, ружье вѣсило до 18 ф.; 60 патроновъ въ сумкѣ и 40 въ ранцѣ, каждый патронъ вѣсилъ впятеро болѣе теперешняго; сверхъ того, къ тесаку прикрѣплялся волосяной султанъ въ $^3/_4$ арш. длины. Отданъ былъ приказъ по корпусу, чтобы не было ни одного отмороженнаго, подъ

личною отвѣтственностью ротныхъ командировъ и, не смотря на 30-ти и 40-ка верстные переходы, въ 20 и 30 гр. мороза, не оказалось отмороженныхъ рукъ и ногъ: такъ исполнялась служба того времени. Приказы Его И. Высочества строго приводились въ исполненіе. Хотя онъ имѣлъ доброе сердце, но въ запальчивости, дѣлая выговоры, объясненій и оправданій не принималъ; но слова «виноватъ, Ваше И. Высочество» тотчасъ его смягчали. Онъ тайно помогалъ неимущимъ офицерамъ, такъ что ихъ полковые командиры не знали этого. Однажды начальникъ штаба артиллеріи, полковникъ Чертковъ, докладываетъ великому князю, что въ одной изъ батарей казначей растратилъ деньги. Его Высочество изволилъ спросить «сколько?»— «Три тысячи», отвѣчали ему.—«Немедленно внести изъ моей шкатулки и чтобы я не зналъ, какъ зовутъ этого офицера».

Нашъ л. гренадерскій полкъ выступилъ изъ Петербурга 4-го Января 1831 г. Такъ какъ рота Его Величества шла впереди полка, то намъ пришлось сдѣлать первый переходъ въ 42 версты [1]). Замѣчательно, что насъ было три офицера въ ротѣ, и всѣ разнаго происхожденія: ротный командиръ шт. кап. баронъ Фридериксъ, Остзейской губерніи лютеранинъ; Вишковскій, Виленской губерніи католикъ и я, Московской губерніи православный. Общее между нами было, что мы никто не курили, и пріѣзжавшіе къ намъ на дневкахъ товарищи запасались табакомъ, помня пословицу: походъ вмѣстѣ, а табакъ врозь. Въ то время о папиросахъ и помину не было; офицеры побогаче запаслись спичками, которыя тогда были по рублю сотня, а по вступленіи въ Варшаву Жиды продавали ихъ по злоту за сотню, т. е. по 15 к.

Въ Нарвѣ дворянство радушно насъ встрѣтило. Въ Депртѣ осмотрѣли обсерваторію и 4 Февраля, пройдя въ мѣсяцъ 500 в., вступили мы въ г. Ригу. Пользуясь дневкой, посѣтили мы театръ, клубъ и сдѣлали большой запасъ доппель-кюмелю, которымъ славилась Рига. Въ то время Рижскіе извощики ѣздили по городу съ колокольчиками, въ избѣжаніе столкновеній, ибо улицы были чрезвычайно узки. На масляницѣ мы благополучно дошли до Вильны, гдѣ вспомнили любезное приглашеніе г-жи Нордштейнъ. Жидъ факторъ тотчасъ указалъ намъ ея квартиру; какъ теперь помню, она жила на Замковой улицѣ. Мужъ ея служилъ въ Коммиссаріатѣ. Не смотря на любезность хозяйки, мы недолго пользовались ея гостепріимствомъ, потому что въ Вильнѣ на военныхъ тогда уже косились. Черезъ нѣсколько дней мы прошли черезъ красивенькій городокъ Гродну и вскорѣ перешли Наревъ. Это было въ послѣднихъ числахъ Марта. Снѣгъ стаялъ, зелени было мало, и мы шли бивуаками.

Мы двигались въ направленіи мѣстечекъ Снѣдово и Высоко-Мозовецкъ. Шпіоны донесли намъ, что Польская армія съ превосходными силами, подъ командою Скржнецкаго, имѣетъ намѣреніе напасть врасплохъ на весь гвардейскій корпусъ. Подъ селеніемъ Пршетицы, авангардъ нашъ состоялъ изъ л. гв. егерскаго полка, которымъ командовалъ храбрый и распорядительный генералъ Полешко. Онъ воспользовался лѣсной мѣстностью, выставилъ цѣпь и полторы сутки удерживалъ сильный напоръ непріятеля, который, благодаря прикрывавшему насъ лѣсу, не могъ знать нашей малочисленности. Ко-

---

[1]) Обыкновеннымъ шагомъ мы дѣлали пять верстъ въ часъ, но при выступленіи дѣлали по шести, чтобы согрѣться.

мандующій всѣмъ пѣхотнымъ гвардейскимъ корпусомъ, узнавъ, что нашъ авангардъ находится въ затруднительномъ положеніи, отдалъ приказаніе, чтобы два батальона л. гренадерскаго полка подкрѣпили егерей, и самъ прискакалъ на мѣсто сраженія. Я былъ посланъ къ генералу Бистрому съ донесеніемъ, что черезъ два часа прибудетъ нашъ полкъ. Въ это время унтеръ-офицеръ л. егерскаго полка привелъ двухъ плѣнныхъ; ген. Бистромъ, давъ ему два червонца, спросилъ: «Что жарко?»—«Сильно напираютъ, ваше высокопревосходительство».—«Скажи егерямъ, что я самъ здѣсь» [2]. Унтеръ-офицеръ побѣжалъ въ цѣпь, и измученные двухъ-дневнымъ боемъ наши лейбъ-егеря заиграли наступленіе! Озадаченный непріятель вообразилъ, что прибыло большое подкрѣпленіе и пріостановилъ свой натискъ. Намъ только этого и нужно было, чтобы выиграть время и дать возможность войскамъ (запасному парку и обозу) перейдти 3-хъ верстную плотину и рѣку Наревъ. Къ вечеру л. гренадеры смѣнили егерей и воспользовались ночью, чтобы начать отступленіе. Близъ Тыкочина, Финляндскаго полка батальонъ, подъ командой полковника Офросимова [3]) и взводъ гвардейской конной артиллеріи подъ командой прапорщика Спафарьева (который отличился потомъ подъ Остроленкой), разобрали мостъ черезъ Наревъ.

Подъ Рутками былъ раненъ въ грудь л. егерскаго полка подпоручикъ Степановъ. Не смотря на тяжелую рану, онъ продолжалъ службу и нынѣ комендантъ въ Царскомъ Селѣ. Если генерала Степанова считаютъ старѣйшимъ лейбъ-егеремъ, то я могу считаться старѣйшимъ юнкеромъ этого полка, такъ какъ я поступилъ на службу юнкеромъ въ Апрѣлѣ 1824 года въ лейбъ-егерскій полкъ, а произведенъ въ офицеры въ л. гренадерскомъ.

Все время мы дѣлали марши и контрмарши. Вдругъ нашъ л. гренадерскій полкъ получаетъ предписаніе форсированнымъ маршемъ идти къ Остроленкѣ, гдѣ предполагалось быть большому сраженію. Намъ предстоялъ переходъ около 70 в., который мы совершили менѣе чѣмъ въ 24 часа [4]), прямо стали на позицію и заслышали свистъ ядеръ и трескотню гранатъ. (Объ этомъ знаменитомъ переходѣ Государь Николай Павловичъ сказалъ на разводѣ въ Петербургѣ: «Каковы молодцы мои лейбъ-гренадеры!»). Битву подъ Остроленкой много разъ описывали. Потеря съ обѣихъ сторонъ простиралась до 40 тысячъ. Гренадерская дивизія подъ командой Полуехтова была почти вся уничтожена. Когда, подъ выстрѣлами непріятеля, нужно было перейдти полусгорѣвшій мостъ черезъ Наревъ, гренадеры призадумались; но храбрый бригадный командиръ Мартыновъ (лишив-

---

[2]) Подъ Кульмомъ въ 1813-мъ году, въ чинѣ полковника, Бистромъ командовалъ этимъ полкомъ, былъ раненъ пулей въ челюсть, отчего не совсѣмъ внятно говорилъ; но солдаты всегда понимали его и обожали за храбрость и за попеченіе о нихъ. Въ 1828 г. въ Турціи, когда ему донесли, что шесть ротъ л. егерскаго полка были изрублены съ полковымъ командиромъ [*]) и со всѣми штабъ и оберъ-офицерами, онъ спросилъ. «Не досталось ли знамя Туркамъ?» Отвѣтъ былъ отрицательный. Генералъ перекрестился и зарыдалъ.

[3]) Бывшаго Московскаго генералъ-губернатора. П. Б.

[4]) Отсталыхъ было немного.

[*]) Т. е. благодаря своему полковому командиру-Поляку Залускому. См. въ Р. Архивѣ 1877. III., 442. *П. Б.*

шійся глаза), схвативъ знамя, бросился впередъ, съ громкимъ ура, и вся дивизія кинулась за нимъ.

Перейдя мостъ, гренадеры засѣли въ канавѣ; ихъ раздѣляло одно шоссе отъ Польскихъ войскъ. Никто не рѣшался начать бой; сначала переругивались, потомъ стали кидаться камушками; одинъ унтеръ-офицеръ Астраханскаго полка закричалъ: «Развѣ мы собаки, что въ насъ камнями бросаютъ!», вскочилъ, и всѣ за нимъ бросились. Польскія войска вынуждены были отступить, и поле сраженія осталось за нами. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней по Нареву плыли тѣла убитыхъ, усыпанныя раками; съ тѣхъ поръ великій князь Михаилъ Павловичъ получилъ отвращеніе къ ракамъ.

Не знаю, по какимъ стратегическимъ причинамъ, мы пробыли подъ Остроленкой цѣлую недѣлю, вмѣсто того чтобы двинуться на Варшаву. Перейдя Наревъ, мы направились къ Земброву, гдѣ помѣщалась главная квартира. Тутъ въ войскахъ открылась сильная холера; въ Преображенскомъ полку въ нѣсколько часовъ умерли два брата князья Порюсъ-Винокурскіе; отъ холеры скончался и фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Продовольствіе во время его командованія было неудовлетворительно, мясныя и винныя порціи выдавались по положенію, а сухари только по $^3/_4$ ф. на человѣка. По кончинѣ его всѣ корпусные командиры собрались къ Михаилу Павловичу, чтобы рѣшить, кому принять временное начальство надъ арміей въ ожиданіи высочайшаго приказа. Его Высочество первый выразилъ мнѣніе, что, по военному положенію, въ случаѣ смерти главнокомандующаго, долженъ вступить въ командованіе арміей начальникъ Главнаго Штаба дѣйствующей арміи и тутъ же представилъ строевой рапортъ графу Толю; остальные корпусные командиры послѣдовали его примѣру. Въ непродолжительномъ времени полученъ высочайшій приказъ о назначеніи главнокомандующимъ графа Паскевича-Эриванскаго, который вскорѣ прибылъ въ армію. Онъ былъ предубѣжденъ, что найдетъ армію въ разстроенномъ положеніи, но графъ Толь, кажется подъ мѣстечкомъ Симоновымъ, представилъ ее въ блестящемъ видѣ. Дѣйствительно, видъ ея былъ превосходный; вся армія была выстроена въ боевомъ порядкѣ въ двѣ линіи, артиллерія въ интервалахъ, кавалерія по флангамъ, точно на Красносельскихъ маневрахъ; тутъ даже завязалась маленькая перестрѣлка съ показавшимся непріятелемъ.

Съ пріѣздомъ графа Паскевича все измѣнилось: дача сухарей увеличилась, мы получали продовольствіе съ Прусской границы (тамъ черезъ Вислу была устроена переправа). Перейдя Вислу, г. Ловичъ и Мендержицы, мы быстро стали подступать къ Варшавѣ. Вся армія была сосредоточена подъ мѣстечкомъ Надоржинымъ; 25-го Августа было взято укрѣпленіе Воля; изъ каждаго гвардейскаго полка участвовало сто человѣкъ солдатъ охотниковъ и три офицера [5]. Графъ Толь сказалъ, что видѣлъ, какъ первый на брустверъ вскочилъ л. гв. Преображенскаго полка прапорщикъ б-нъ Розенъ, сынъ бывшаго Кавказскаго намѣстника. Въ этотъ день графъ Ностицъ, увлеченный личной храбростью или находя необходимымъ отвлечь вниманіе непріятеля, съ л. гусарами и конно-гренадерами проскакалъ мимо всѣхъ непріятельскихъ батарей. Часть л. гусаръ вскочили въ Іерусалимскую рогатку и всѣ были изрублены и исколоты. Въ первый разъ я ви-

---

[5]) Всѣ желали идти, поэтому офицеры бросали жребій; мнѣ не досталось.

дѣлъ ужасное дѣйствіе ракетъ; мимо насъ пронесли людей обугленныхъ, совершенно обезображенныхъ, но еще съ признаками жизни. Въ Павловскомъ полку, за двѣ версты разстоянія, солдату снесло голову. Тогда двуверстное разстояніе считалось почти самымъ дальнымъ полетомъ ядра. Ночь мы отдыхали на полѣ сраженія, съ разсвѣтомъ снова начался бой. Поляки защищались какъ львы, но сила солому ломитъ; къ вечеру зажгли Маримондскія мельницы. Нашему полку приказано было занять Іерусалимскую рогатку. На разсвѣтѣ начальникъ штаба Польскихъ войскъ пріѣхалъ парламентеромъ. Его немедленно препроводили въ главную квартиру. Въ 5 час. утра нашъ полкъ вступилъ въ Варшаву. Музыканты заиграли было маршъ: «Еще Польска не згинѣла», но полковой командиръ И. П. Шиповъ велѣлъ немедленно отмѣнить, и заиграли маршъ изъ Dame Blanche.

Въ Варшавѣ первые насъ встрѣтили во множествѣ Евреи съ криками «азе наса взяла» [6]). Мы расположились вокругъ монумента Коперника, составивъ ружья, неистово стали стучать въ ближайшую цукерню, такъ какъ цѣлые сутки ничего почти не ѣли. Растерянная панна очень испугалась при видѣ 20-ти офицеровъ, но мы тотчасъ ее успокоили, сказавъ, что голодны и за все платимъ наличными злотыми; она утолила нашу жажду и голодъ, такъ что въ цукернѣ ничего не осталось. Къ 12-ти часамъ дня, мы вступили въ предмѣстіе Прагу; въ этотъ день всѣ Польскія военныя силы получили разрѣшеніе оставить Варшаву. Тогдашняя Польская армія славилась отличнымъ военнымъ образованіемъ, особенно 4-й линейный полкъ (любимый полкъ в. к. Константина Павловича). Имъ командовалъ Хлопицкій [7]). На другой день намъ отвели квартиры близъ арсенала. Меня часто назначали дежурнымъ по госпиталямъ, и я свято исполнялъ свою обязанность. Надо отдать справедливость Полякамъ: во всѣхъ госпиталяхъ былъ отличный порядокъ; лежало болѣе 3000 человѣкъ ампутированныхъ; въ докторахъ недостатка не было, къ нашимъ военнымъ врачамъ присоединились Польскіе и Французскіе, не дѣлая никакого различія между Русскими и Польскими ранеными. Надо было удивляться этимъ послѣднимъ, съ какимъ мужествомъ они старались выказать другъ передъ другомъ хладнокровіе и терпѣніе во время перевязокъ. Что касается до ухода за больными, можно сказать по истиннѣ, что все женское народонаселеніе Варшавы превратилось въ сестеръ милосердія, отъ княгини до шляхтянки безъ различія національности. На дежурствѣ въ госпиталѣ я увидалъ Слѣпцова и князя Мурузи, оба л. гусары, при Іерусалимской рогаткѣ получили раны саблями и пиками. Князь Мурузи едва дышалъ, а Слѣпцовъ долго говорилъ со мной, жаловался на тупой ударъ по головѣ; черезъ нѣсколько дней онъ скончался отъ воспаленія въ мозгу.

Мы отдыхали въ Варшавѣ цѣлый мѣсяцъ; жизнь была дорога, сообщеніе съ Россіей затруднительно, денегъ изъ дому никто не получалъ, даже полковые ящики поистощились. Одинъ Жидъ познакомилъ меня съ богатымъ Русскимъ купцомъ, который далъ мнѣ заимообразно безъ процентовъ 1000 р. Польскими бумажками, съ тѣмъ чтобы по-

---

[6]) Взятіе всякаго мѣстечка нашими или Польскими войсками ознаменовывалось повѣшеніемъ нѣсколькихъ Жидовъ; они занимались шпіонствомъ.

[7]) Тотъ самый, который былъ диктаторомъ во время возмущенія.

лучить обратно въ Москвѣ или Петербургѣ Русскими ассигнаціями; купецъ этотъ давалъ деньги только тѣмъ офицерамъ, которые называли ему порукой извѣстныхъ лицъ въ Петербургѣ или Москвѣ. Поѣхалъ я въ Преображенскій полкъ. Товарищи Катенинъ, Чернышевъ, два брата Мезенцовы, предложили водки. «А что же закуска?» спросилъ я.—«Не на что», отвѣчали они мнѣ.—«Сколько вамъ нужно?» Товарищи мой вопросъ приняли за шутку, однако заявили, что недурно бы рублей по сту получить.—«Можно тысячу», говорю я. Они бросились обнимать меня, какъ благодѣтеля. Я взялъ съ собой Чернышева и поѣхалъ къ общему благодѣтелю, который, уже по моей рекомендаціи, а главное по громкой фамиліи Чернышева, выдалъ 1000 р. и поднесъ по стакану стараго рейнвейна. Впослѣдствіи оказалось, что купецъ роздалъ до 200000 р.; по окончаніи кампаніи всѣ деньги ему вернули сполна; за нѣкоторыхъ Его Высочество Михаилъ Павловичъ по своей добротѣ уплатилъ.

7-го Октября 1831 г. выступили мы черезъ Пултускъ и, переправившись на ту сторону Нѣмана при Ковнѣ, вступили въ Курляндскую губернію. Насъ встрѣтилъ квартирьеръ и объявилъ, что ротному командиру б. Фридериксу и Витковскому отведена Шлафенъ-мыза (т. е. Шлампенъ), а мнѣ Праведная мыза (т. е. Правингенъ). Чрезъ нѣсколько дней мы получили приказъ явиться въ штабъ полка, который былъ расположенъ въ Тукумѣ; намъ велѣно было взять всю парадную форму. Всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка собрались у полковаго командира, хоръ музыкантовъ выстроился на улицѣ. Полковой командиръ вышелъ къ намъ и прочелъ высочайшій приказъ, что нашъ полкъ за отличіе переименовывается въ старую гвардію. Послѣдовало оглушительное ура, и музыканты заиграли «Боже Царя храни». Въ три часа весь полкъ собрался къ полковому командиру на обѣдъ, послѣ котораго началась очень чинно Французская кадриль, окончившаяся удалымъ трепака. На другой день былъ въ Тукумѣ очень оживленный, хотя немногочисленный балъ. Черезъ два мѣсяца мы простились съ Тукумомъ и его гостепріимными жителями: все время нашего пребыванія мы, наша прислуга, лошади были на полномъ продовольствіи нашихъ хозяевъ, которые денегъ съ насъ ни за что брать не хотѣли.

Нашъ полкъ возвратился въ Петербургъ. Три года я пробылъ въ чинѣ прапорщика и, какъ говорили товарищи, младшимъ по всему гвардейскому корпусу, за то въ три года попалъ въ штабсъ-капитаны и получилъ 2-ю знаменную роту, которая такъ отличилась подъ Варной. Служба у насъ была очень требовательная, ежедневныя одиночныя ученья, продолжавшіяся около 4 часовъ; на нихъ обязаны были присутствовать всѣ молодые офицеры. Находящіеся въ моей ротѣ прапорщики Вранкенъ и Броневскій убѣдительно просили меня уволить ихъ отъ одиночнаго ученія, на нѣкоторое время, но причины своей просьбы не сказали. Мнѣ извѣстно было, что они хорошо знали строевую часть и были отличной нравственности; я исполнилъ ихъ желаніе, принявъ всю отвѣтственность на себя. Такъ какъ ихъ квартира была въ казармахъ, я зашелъ къ нимъ въ 8 ч. утра, засталъ ихъ не одѣтыми и ползающими по полу; на мой вопросъ: «что вы дѣлаете?» они вскочили, извинились передо мной, что не предупредили меня о томъ, что готовятся держать экзаменъ въ Военную Академію и хотятъ, чтобы въ случаѣ ихъ неудачи, неизвѣстно было бы товарищамъ. На полу они изучали карту Россіи. Вранкенъ впослѣдствіи былъ начальникомъ

штаба корпуса, который сражался въ Венгріи, былъ раненъ въ голову. Въ 1855 г. подъ Карсомъ Броневскій былъ дежурнымъ генераломъ и лишился руки.

Служба мнѣ улыбалась. Государь и Его Высочество были всегда довольны моей ротой, по этой причинѣ и все начальство. Хотя великій князь былъ требователенъ по службѣ, въ особенности съ молодыми офицерами, но онъ любилъ находчивость и сознаніе въ своей винѣ. Былъ я въ караулѣ на Адмиралтейской гауптвахтѣ. Часовой звонитъ; караулъ, какъ и всегда, былъ у меня на платформѣ; вижу, подъѣхалъ генералъ въ саняхъ, я отдаю честь и подхожу къ нему рапортовать о благополучіи: смотрю, въ саняхъ самъ Его Высочество. Я покосился взглянуть на караулъ, все ли исправно и съ полною увѣренностью рапортую Его Высочеству Онъ изволилъ мнѣ сказать: «все хорошо, а гдѣ ваши глаза?» Я еще покосился на караулъ; великій князь повторяетъ: «Я вамъ говорю, что все исправно, но гдѣ ваши глаза?» Я взглянулъ на верхъ и замѣтилъ, что порошилъ чуть замѣтный снѣгъ. «Виноватъ Ваше Высочество» [8]). Онъ махнулъ кучеру и уѣхалъ Я долженъ былъ немедленно донести какъ Его Высочеству, такъ и всѣмъ моимъ начальникамъ о происшествіи. Всѣ на меня напали съ выговорами, какъ я всегда исправный офицеръ, а тутъ попался. Я думалъ на другой день быть арестовану, но Его Высочество, обыкновенно довольный моей службой, милостиво сказалъ моему полковому командиру: «прапорщикъ Еропкинъ перехитрилъ меня». Мои всегдашніе посты съ прапорщичьяго чина были во внутреннихъ покояхъ или во дворцѣ в. к. Михаила Павловича.

Немало забавляла Его Высочество находчивость Московскаго полка прапорщика Булгакова, отецъ котораго пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя. Однажды Его Высочество встрѣтилъ Булгакова на Невскомъ безъ сабли, посадилъ его къ себѣ въ коляску, привезъ во дворецъ, заперъ въ своемъ кабинетѣ и тотчасъ послалъ за полковымъ командиромъ, который встревоженный пріѣхалъ. Его Высочество встрѣтилъ его словами: «Полюбуйтесь, ваше превосходительство, какъ вашего полка офицеры ходятъ по Невскому безъ сабли». При этомъ отпираетъ кабинетъ. «Прапорщикъ Булгаковъ, пожалуйте сюда». Великій князь былъ немало удивленъ, когда Булгаковъ явился при саблѣ [9]), но послѣ улыбнулся, сказавъ: «На три дня подъ арестъ, мою саблю прошу оставить, а свою въ комендантскую отдать».

Булгаковъ встрѣчаетъ у Аничкина моста Его Высочество Михаила Павловича. Въ этотъ разъ Булгаковъ былъ въ полной формѣ съ головы до ногъ. «Ваше Императорское Высочество», говоритъ онъ, подходя къ великому князю, «осмѣлюсь просить оказать мнѣ великую милость: дозвольте пройдти съ вами по Невскому».—«Для чего тебѣ это нужно?» спрашиваетъ великій князь.—«Чтобы поднять мой кредитъ, который сильно упалъ». Великій князь дозволилъ ему дойдти съ нимъ до Казанскаго моста.

Однажды Его И. Высочество поѣхалъ въ театръ, и къ его удивленію напротивъ него въ ложѣ сидитъ Булгаковъ, который, по рас

---

[8]) Когда идетъ снѣгъ или дождь, ружья должны быть внесены въ караульный домъ, а это не было исполнено.

[9]) Булгаковъ въ кабинетѣ прицѣпилъ саблю Его Высочества.

поряженію Его Высочества, долженъ сидѣть на арсенальной гауптвахтѣ подъ арестомъ. Великій князь выходитъ изъ театра и ѣдетъ на гауптвахту, Булгаковъ въ караульной! Его Высочество возвращается въ театръ, и снова Булгаковъ напротивъ него въ ложѣ; великій князь вторично ѣдетъ на гауптвахту и опять застаетъ Булгакова спокойно сидящаго подъ арестомъ. Озадаченный этимъ, великій князь спрашиваетъ: «Булгаковъ, я тебя прощу, скажи, какъ ты это сдѣлалъ?»—«Очень просто, Ваше Императорское Высочество: я всякій разъ ѣхалъ у васъ на запяткахъ», отвѣчалъ проказникъ Булгаковъ.

Его Высочество ѣдетъ по Большой Морской. Булгаковъ идетъ въ калошахъ, которые строго были запрещены офицерамъ. Его Высочество закричалъ: «Булгаковъ, калоши, подъ арестъ!» Немедленно отправляется Булгаковъ въ комендантскую и сдаетъ калоши подъ арестъ, со словами: «по личному приказанію Его Высочества Михаила Павловича».

На другой день, дежурный по караулу при дневномъ рапортѣ, донесъ объ этомъ Его Высочеству, который, какъ всегда, позабавился находчивой выходкою Булгакова. Михаилъ Павловичъ, любившій находчивость въ другихъ, и самъ былъ не прочь пооострить иногда. Разговаривая о статистикѣ и вообще о народонаселеніи, онъ изволилъ сказать: «Je n'ai rien sur ma conscience, je n'ai pas fait de m â l e à la Russie» [10]).

Великій князь завѣдывалъ всей артиллеріей, онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ. Въ веселомъ расположеніи духа онъ однажды пошутилъ надъ собой и генераломъ Сумароковымъ: «L'artillerie se maintient sur deux r o u x [11]). Если наша артиллерія такъ высоко поставлена, то этимъ она обязана неусыпнымъ объ ней попеченіямъ Его Высочества. Когда онъ являлся въ артиллерійскомъ мундирѣ на разводъ или на ученье, мы были совершенно спокойны: значитъ Его Высочество въ хорошемъ расположеніи духа; но саперный мундиръ болѣе или менѣе предсказывалъ грозу. Его Высочество былъ тоже главный инспекторъ по инженерной части.

Въ другой разъ Его Высочество встрѣчаетъ Булгакова тоже на Невскомъ. Въ то время какъ онъ отдавалъ ему честь, великій князь, вынувъ свою записную книжку, увидалъ, что Булгаковъ значится дежурнымъ по Московскому госпиталю и приказалъ кучеру ѣхать туда. Великій князь входитъ въ дежурную комнату и требуетъ дежурнаго офицера. Каково же было его удивленіе? Булгаковъ въ полной формѣ явился къ нему съ рапортомъ. Впослѣдствіи Его Высочество узналъ и очень смѣялся, что Булгаковъ сѣлъ на запятки къ Его Высочеству и вмѣстѣ съ нимъ доѣхалъ до госпиталя.

Идетъ Булгаковъ съ товарищемъ по Михайловской улицѣ; на встрѣчу ѣдетъ Михаилъ Павловичъ; они дѣлаютъ фронтъ, у Булгакова нѣтъ сабли. Великій князь подзываетъ его и сажаетъ къ себѣ въ сани; Булгаковъ не успѣлъ еще сѣсть, какъ великій князь оттолкнулъ его и уѣхалъ. «Ну что?» спрашиваетъ его товарищъ.—«Его Высочество лично желалъ посадить меня подъ арестъ и приказалъ

---

[10]) У меня ничего нѣтъ дурнаго на совѣсти противъ Россіи—у меня нѣтъ сына (непереводимая, какъ и въ слѣдующемъ каламбурѣ, игра словъ).

[11]) «Артиллерія держится на двухъ р ы ж и х ъ». Его Высочеству было угодно посмѣяться надъ собой и Сумароковымъ: оба были рыжіе.

сѣсть къ нему въ сани, а я нечаянно наступилъ ему на мозоль; онъ меня выбранилъ, а я ему въ отвѣтъ: «Имѣю счастіе доложить Вашему Императорскому Высочеству, что надо мной оправдалась пословица: не въ свои сани не садись; великій князь разсмѣялся и оттолкнулъ меня».

Въ 1833 г. вышло распоряженіе, чтобы всѣ подпрапорщики, готовившіеся къ производству въ офицеры, были бы прикомандированы къ полкамъ для практическаго изученія всѣхъ служебныхъ обязанностей; они несли офицерскую службу. У меня въ ротѣ были А. Е. Тимашевъ, А. П. Дегай и Ѳедоръ Ивановичъ Трузсонъ, сынъ и племянникъ генералъ-лейтенантовъ инженеровъ Трузсонъ, извѣстныхъ своимъ безкорыстіемъ (они построили крѣпость Бобруйскъ, и черезъ ихъ руки перешло нѣсколько милліоновъ. Старшій изъ нихъ не оставилъ никакого состоянія, а когда умеръ меньшой братъ, то сынъ его, бывшій Калужскій прокуроръ, хоронилъ отца на свой счетъ).

Не смотря на то, что служба для меня была очень пріятна, я долженъ былъ ее оставить по семейнымъ обстоятельствамъ и поѣхалъ въ свое имѣніе Серпуховскаго уѣзда. На первыхъ дворянскихъ выборахъ, я былъ выбранъ посредникомъ по чрезполосному межеванію, это была новая должность. Государь Николай Павловичъ давно желалъ уничтожить чрезполосное владѣніе, и назначенъ былъ десятилѣтній срокъ для этого исполненія. Я отказался отъ содержанія, которое въ то время было весьма значительно. Мой товарищъ г-нъ Хмелевъ былъ увлеченъ моимъ примѣромъ. Впослѣдствіи я жалѣлъ объ этомъ: можно было въ нѣсколько лѣтъ собрать значительную сумму и употребить ее на общественную пользу.

Василій Еропкинъ.

Тверь, 22-го Декабря
1877 года.